

УДК 930

doi: 10.26907/2541-7738.2020.3.220-231

**«РЕАБИЛИТАЦИЯ» М.Н. ПОКРОВСКОГО В СООБЩЕСТВЕ
ИСТОРИКОВ: КОНЕЦ 50-х – 60-е ГОДЫ XX ВЕКА**

В.С. Груздинская

*Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
г. Омск, 644077, Россия*

Аннотация

В статье рассматриваются наиболее значимые и резонансные эпизоды научной «реабилитации» М.Н. Покровского. На основе анализа опубликованных и неопубликованных источников делается несколько выводов. Во-первых, в конце 50-х – 60-е годы XX в. наметился отказ от закрепившихся в историографии сталинской эпохи оценок творчества историка как на уровне партийно-политического дискурса, так и в научных исследованиях. Во-вторых, историки предлагали разные модели изучения наследия М.Н. Покровского, неременным атрибутом которых стало использование в изысканиях архивных источников. «Живая память» и личный опыт представителей сообщества служили органическим дополнением «сухих» документальных свидетельств. В-третьих, активное участие в возвращении М.Н. Покровского в историографический пантеон приняли авторы «антипокровского» двухтомника. В-четвертых, границы «допустимого» по-прежнему определялись властью, и это находило отражение на этапе презентации научного знания профессиональному сообществу.

Ключевые слова: советская историография, М.Н. Покровский, ученое сообщество, корпоративная память, наука и власть

В конце 50-х – начале 60-х годов двадцатого столетия на фоне «потепления» интеллектуального климата в СССР историческое сообщество обратилось к изучению «темных» страниц истории своей науки. В числе проблем, особо интересовавших ученых в этот период, стояла и проблема оценки личности и творчества М.Н. Покровского. Сложившийся в конце 30-х годов образ историка не только не отвечал «социальному заказу» эпохи, но и откровенно с ней диссонировал.

Развернулась активная «кампания» по возвращению М.Н. Покровского в историографический пантеон¹. Что представляла собой научная «реабилитация» ученого в контексте «преодоления культа личности»? На сколько этот процесс контролировался / задавался властью? Чем стал он для сообщества историков: сменой ярлыков «враг народа» на «жертва сталинских репрессий», или, может быть, шансом для отдельных представителей корпорации исправить «перегибы

¹ В конце 50-х – 60-е годы XX в. издается многотомник трудов М.Н. Покровского, научное наследие историка активно осмысливается не только в пространстве отдельных статей, но и на уровне диссертационных исследований.

критики» конца 30-х годов XX в.? В поисках ответов на эти вопросы в настоящей статье мы остановимся на отдельных, наиболее значимых и резонансных эпизодах «реабилитации» М.Н. Покровского.

М.Н. Покровский в партийном дискурсе «хрущевской оттепели». Научная «реабилитация» М.Н. Покровского была санкционирована властью на XX и XXII съездах КПСС. В докладе Н.С. Хрущева на XX съезде (25 февраля 1956 г.) против «культы личности» И.В. Сталина прозвучал призыв, или установка, на ближайшее будущее: «Провести большую работу над тем, чтобы с позиций марксизма-ленинизма критически рассмотреть и поправить получившие широкое хождение ошибочные взгляды, связанные с культом личности, в области исторической, философской, экономической и других наук, а также в области литературы и искусства» (ДоКЛ, с. 165). Применительно к исторической науке такие взгляды, бесспорно, касались М.Н. Покровского и его «школы», хоть имя его и не называлось.

Отдельно об историке и критике его творчества в годы «культы личности» будет сказано на XXII съезде КПСС в выступлении Л.Ф. Ильичева (24 октября 1961 г.). Докладчик отметил, что в этот период «из науки вычеркивались имена крупнейших ученых», среди них – «видный историк-марксист, старый большевик» Михаил Николаевич Покровский. Его творчество, заявляет Л.Ф. Ильичев, не было лишено ошибок, но все же оно оставалось марксистским. В доказательство своей мысли докладчик зачитал письмо В.И. Ленина к М.Н. Покровскому, датированное 5 декабря 1920 г. В нем, пересказывает источник выступавший, В.И. Ленин «любовно и требовательно» обсуждал с ученым его новую книгу – «Русская история в самом сжатом очерке»². «Одобрение» вождя, который посчитал возможным использовать этот труд в качестве учебника, придало Л.Ф. Ильичеву смелости задать вопрос: «Разве ленинская оценка имеет что-нибудь общее с теми тяжкими обвинениями, которые во времена культа личности были выдвинуты против Покровского?» (СтОтч, с. 185). Партия на XX съезде, сделав выбор в пользу «творческого развития марксизма-ленинизма», по мнению Л.Ф. Ильичева, дала отрицательный ответ на этот вопрос.

Спустя пару месяцев после XXII съезда КПСС на совещании заведующих кафедрами общественных наук высших учебных заведений (30 января – 2 февраля 1962 г., МГУ) М.А. Суслов выступил с докладом «XXII съезд КПСС и задачи кафедр общественных наук». В нем основной акцент делался на вреде «культы личности» в исторической науке, который, в том числе, проявился в «неправильном отношении к научному наследию М.Н. Покровского», в огульном отрицании вклада этого ученого в разработку отечественной истории (ЗКОИ, с. 3).

В конце 50-х – начале 60-х годов изучение творчества М.Н. Покровского стало поощряемой властью темой исследования, правда, как станет впоследствии видно, в задаваемых пределах. Имя ученого в партийном дискурсе использовалось в качестве иллюстрации проявления «культы личности».

«История стучится в дверь – и нам остается ее распахнуть»³: первое публичное обсуждение взглядов М.Н. Покровского. Первым событием научной жизни, когда имя М.Н. Покровского прозвучало не в контексте «преодоления

² Покровский М.Н. Русская история в самом сжатом очерке. М.: Гос. изд-во, 1920. 224 с.

³ Приведена метафора из работы: Генис А. Долгое поколение // Вайль П. 60-е. Мир советского человека. М.: АСТ: CORPUS, 2014. С. 7.

ошибок», а с позиции оценки его вклада в развитие советской исторической науки, стало выступление 30 августа 1958 г. на заседании ученого совета Музея Революции СССР С.М. Дубровского. Сергей Митрофанович Дубровский станет одним из активных участников возвращения М.Н. Покровского в историографический пантеон. В обозначенном контексте показательна судьба самого историка: будучи деканом исторического факультета Ленинградского университета, в 1936 г. он был арестован по обвинению в участии в «троцкистском сборище» и сослан в лагерь ГУЛАГа на долгие 17 лет [1, с. 229]. В Москву исследователь вернется лишь в 1954 г.

Доклад в Музее Революции С.М. Дубровский начинает с признания заслуг М.Н. Покровского, который, по его мнению, является «одним из выдающихся историков конца XIX и особенно первой трети XX века» (Архив ГЦМСИР, л. 2). Главная ошибка ученого, считает выступавший, состояла в том, что он как заместитель наркома просвещения «допустил» подмену в образовательном процессе изучения конкретного исторического материала механическим усвоением абстрактных социологических схем. В то же время С.М. Дубровский уверен: М.Н. Покровский непременно исправил бы свои заблуждения, если бы так рано не умер. Почему же он не сделал этого при жизни, когда в конце 20-х годов XX в. шквал критики в адрес его концепции нарастал? То, что Михаил Николаевич так и остался с «непротренированными углами своего мировоззрения», считает докладчик, виноваты его ближайшие ученики и соратники. С.М. Дубровский называет несколько имен учеников М.Н. Покровского, свято веривших в концепцию «торгового капитала» и яро защищавших ее, а потому и сыгравших в научной биографии своего учителя трагическую роль. Круг ближних соратников составили А.И. Малышев, А.И. Ломакин, Г.Е. Меерсон, Н.Н. Ванаг, П.О. Горин, А. Гойстур. По мысли докладчика, пагубное влияние этой «школы» заключалось не только в количестве ее представителей, которое увеличивалось в геометрической прогрессии, но и в противодействии с их стороны «всякой критике М.Н. Покровского и его самокритике» (Архив ГЦМСИР, л. 32). Практически все названные С.М. Дубровским историки были репрессированы в конце 30-х годов (см. [2]).

Чрезвычайно важен последний аспект, на который обращает внимание собравшихся докладчик, – отношение к научному наследию М.Н. Покровского. Историк подчеркивает правильность критики правительством и партией «ошибка школы Покровского» во второй половине 30-х годов, в отличие от научной критики (речь идет о двухтомнике против М.Н. Покровского, некоторых статьях в «Историке-марксисте» и др.), которая, по его мнению, была сведена к «выдергиванию отдельных цитат из работ» историка или «реставрации реакционных антимарксистских исторических представлений» (Архив ГЦМСИР, л. 34–36). Теперь, после XX съезда, считает С.М. Дубровский, «создались условия для правильной оценки исторических взглядов М.Н. Покровского без апологетики и нигилистического к нему отношения» (Архив ГЦМСИР, л. 37–38). При этом докладчик отмечает, что речь может идти исключительно об историографическом осмыслении научного наследия ученого, и в этой связи приводит анекдот: «К врачу пришел больной и стал спрашивать – можно ему есть то-то, то-то. Он так надоел врачу, что на вопрос, можно ли ему есть сыр, врач шутливо сказал: “Ешьте как можно больше, но только одни дырочки от него”» (Архив ГЦМСИР, л. 13).

После завершения выступления С.М. Дубровского присутствовавшие на ученом совете пожелали поделиться своими воспоминаниями о М.Н. Покровском⁴. Рефреном звучала мысль о важности «реабилитации» ученого. И.И. Минц, например, отметил, что ошибки М.Н. Покровского – «это были ошибки человека, который искал, который шел вперед» и который обладал уникальным умением «отказываться от своих заблуждений, не стесняясь полным голосом говорить о своих ошибках» (Архив ГЦМСИР, л. 74). А.Л. Сидоров пожелал раскаться в «делах минувших»: «После смерти М.Н. Покровского мы резко отнеслись к его прошлому, часто неправильно, чрезмерно критиковали его. <...> Очень много положительного о Покровском умалчивалось» (Архив ГЦМСИР, л. 51).

Встреча в Музее Революции стала первой, хоть и камерной, попыткой назревшего и непростого, в том числе и с моральной стороны, разговора о месте и роли М.Н. Покровского в истории советской науки.

Разговор о М.Н. Покровском на «историографических средах». В 1962 г. в Научном совете по проблеме «История исторической науки» при Отделении истории АН СССР прошло несколько заседаний – «историографических сред», посвященных обсуждению личности и творческого наследия М.Н. Покровского.

Первая встреча состоялась 7 февраля 1962 г., на нем М.В. Нечкина представила доклад «Вопрос о М.Н. Покровском в постановлениях партии и правительства 1934–1938 гг. о преподавании истории и исторической науке (К историковедческой стороне темы)». Свое выступление Милица Васильевна начала со слов: перед научным сообществом стоит непростая задача – «восстановить истинную роль этого ученого (М.Н. Покровского – *В.Г.*) в развитии советской исторической науки», учитывая не только его ошибки, но и «сложный трудный путь, по которому он пришел к марксизму» (НА ИРИ РАН, д. 36, л. 3). В докладе она затронула более скромный по хронологическому и тематическому охвату, но отнюдь не по значимости вопрос – отражение разоблачения «ошибок» М.Н. Покровского и его учеников в Постановлениях ЦК ВКП(б) и СНК в 1934–1938 гг. Именно на эти документы впоследствии неоднократно ссылались критики историка. Анализ архивных материалов позволил М.В. Нечкиной сделать вывод: в официальных документах правительства и партии не содержится упоминаний об «ошибках» М.Н. Покровского. Критика историка и его «школы» звучала в информационном сообщении «Преподавание истории в нашей школе» с «замечаниями» И.В. Сталина, С.М. Кирова и А.А. Жданова, опубликованном в «Правде» 27 января 1936 г. Именно эти «замечания» в адрес М.Н. Покровского, по мнению докладчицы, легли «в основу крупнейшей кампании на историческом фронте» [3, с. 238].

Первоначально планировалось, что доклад М.В. Нечкиной ляжет в основу статьи для «Вопросов истории». В дневниковых записях историка за 1962 г. зафиксировано: «Статья и текст доклада – все готово, но публикация задержана запретом Л.Ф. Ильичева упоминать о тех весьма обширных поисках “постановления о Покровском” в архивах ЦК КПСС, которое было тщательно проведено и дало отрицательный результат». И далее резюмирует: «Все сделано

⁴ В стенограмме зафиксированы выступления: А.И. Толстихиной (председатель заседания), А.Л. Сидорова, Н.Н. Колесниковой, Р.П. Катаяна, И.И. Минца и Е.Я. Драбкиной.

текст готов, но... (Очевидно останется в моем архиве!)» (Нечк, с. 424). Забегая вперед, скажем, что статья будет опубликована посмертно – только в 1990 г. [3].

После заседания 7 февраля 1962 г. М.В. Нечкина обратилась к Л.Ф. Ильичеву с просьбой разрешить упомянуть в статье, что «неопубликованных постановлений о М.Н. Покровском в архивах ЦК КПСС не имеется» [4, с. 126], на что получила отрицательный ответ. Это заставило историка писать дальше – в ЦК КПСС. Из этого обращения мы узнаем, что В.И. Евдокимов, заместитель Л.Ф. Ильичева, не советовал ему давать подобное разрешение, так как «не все ли, мол, равно – было или не было постановления о М.Н. Покровском ЦК и СНК СССР» [4, с. 128]. Комментируя сложившуюся ситуацию, М.В. Нечкина отмечает «двойственную позицию» Л.Ф. Ильичева, который сначала обещал содействовать разработке темы, против доклада ничего не имел, а в отношении статьи занял непримиримую позицию. Причина подобного поведения, по мнению историка, связана с тем, что партийный деятель чего-то испугался. Но чего – не уточняет и только замечает: «Тут есть еще подробности, о к[ото]рых я когда-либо напишу» (Нечк, с. 425).

Следующая «среда», посвященная М.Н. Покровскому, состоялась спустя месяц после первой – 14 марта 1962 г. С докладом «Новые архивные документы о М.Н. Покровском» выступил О.Д. Соколов. В заседании участвовали М.В. Нечкина, М.И. Хейфец, Г.Б. Кизельштейн, Е.Н. Городецкий, М.Е. Найденов, С.О. Шмидт, Г.Д. Алексеева, С.М. Дубровский. Они единодушно отметили высокий уровень доклада и чрезвычайную актуальность проблемы, а также высказали пожелание, чтобы историки активнее включались в дальнейшую разработку этой темы. При этом С.М. Дубровский подчеркнул, что научная «реабилитация» М.Н. Покровского вовсе не означает «повторения» его исторических взглядов (НА ИРИ РАН, д. 37, л. 49).

Большинство участников «историографической среды» интересовались сюжетами, так или иначе иллюстрировавшими отношение власти к М.Н. Покровскому в последние годы его жизни. М.И. Хейфец задал вопрос о реакции тяжело больного ученого на статью И.В. Сталина в журнале «Пролетарская революция». В ответ О.Д. Соколов привел воспоминания сына историка: «Он (М.Н. Покровский. – В.Г.) все время находился в состоянии ожидания – вот-вот начнется широкая кампания, вот-вот его начнут травить, каждую газету он смотрел со страхом» (НА ИРИ РАН, д. 37, л. 9). Г.Б. Кизельштейн попросил докладчика подробнее осветить выступление М.Н. Покровского на 10-летнем юбилее Института красной профессуры, состоявшемся 1 декабря 1931 г. На что О.Д. Соколов рассказал весьма любопытную историю: Михаил Николаевич, будучи уже очень больным человеком, выступал с торжественной речью на юбилее ИКП. Его речь уже завершалась, когда ему принесли записку с просьбой «затянуть» выступление, поскольку Л.М. Каганович опаздывает. М.Н. Покровскому ничего не оставалось – пришлось «импровизировать, и когда Л.М. Каганович приехал и выступил, то М.Н. Покровский упал в обморок, ему впрыскивали камфору, он находился в очень тяжелом состоянии» (НА ИРИ РАН, д. 37, л. 11–12). Речь же самого Л.М. Кагановича О.Д. Соколов трактовал как «антипокровскую», в чем с ним согласился и С.М. Дубровский, бывший в те годы преподавателем ИКП. Последний отмечал, что у И.В. Сталина до 1930 г. не было никакой «своей»

оценки творчества М.Н. Покровского, поскольку с трудами историка он не был знаком. «Когда я обращался по некоторым вопросам, – вспоминает С.М. Дубровский, – то мне откровенно говорили, что с концепциями М.Н. Покровского он не знаком» (НА ИРИ РАН, д. 37, л. 35).

Весьма интересный эпизод произошел в кулуарах этой «среды». К докладчику подошел А.Л. Сидоров и снова покаялся: «Я от двухтомника отказываюсь. Считаю, что он не нужен!» (РГАСПИ, л. 25). Он изменил свое отношение не только к сборнику, но и в целом к оценке деятельности М.Н. Покровского в 20-е годы. В опубликованных на страницах «Истории СССР» в 1964 г. воспоминаниях А.Л. Сидоров отмечал преподавательский талант старшего коллеги-учителя, подчеркивая, что он «обладал способностью говорить просто и ярко», «никому не навязывал своей точки зрения» [5, с. 120], «призывал... учиться у буржуазных историков технике и методике научного исследования» [5, с. 138]. Приведенные примеры подчеркивают не только научную, но и личную заинтересованность представителей сообщества в «реабилитации» М.Н. Покровского.

Еще одна особенность данного обсуждения – пристальное внимание участников заседания к источниковедческому аспекту темы, в частности к архивным материалам. Е.А. Луцкий довольно подробно рассказал о сохранившихся архивных коллекциях М.Н. Покровского. С.М. Дубровский обратился к О.Д. Соколову с просьбой найти «последнее» письмо М.Н. Покровского к И.В. Сталину, переданное через Г.Г. Ягоду, поскольку этот эпистолярный источник «фигурировал в качестве доказательства борьбы против линии Центрального Комитета» (НА ИРИ РАН, д. 37, л. 39).

В 60-е годы О.Д. Соколов активно занимался изучением творчества М.Н. Покровского, в чем его поддерживала и неоднократно консультировала М.В. Нечкина. Исследователем была подготовлена серия статей в центральных исторических журналах («Коммунист», «Вопросы истории» и др.), а также вступительная статья биографического плана к многотомному изданию трудов ученого, вышедшему в 1965–1967 гг. Результатом почти десятилетних исследований О.Д. Соколова стала защита докторской диссертации «Исторические взгляды М.Н. Покровского и его место в советской историографии» 16 января 1970 г. в Академии общественных наук при ЦК КПСС.

«Бои за память»: Е.А. Луцкий и М.Е. Найденов. Попытку переосмысления научного творчества историка предпринял один из авторов книги «Против антимарксистской концепции М.Н. Покровского» Е.А. Луцкий⁵. Для третьего номера «Истории СССР» за 1962 г. им была подготовлена статья о М.Н. Покровском. Но в свет вышла совершенно другая работа, принадлежавшая перу профессора МГУ – М.Е. Найденову [6]. Причина произошедшей замены статей, по всей видимости, коренится в разногласиях внутри научного сообщества. Стоит говорить о двух группировках, каждая из которых предлагала «свою» модель изучения/«реабилитации» М.Н. Покровского. Первая во главе с М.В. Нечкиной отстаивала статью Е.А. Луцкого, вторая под началом ответственного редактора В.Д. Мочалова – статью М.Е. Найденова. Чем закончилось столкновение, нам

⁵ Луцкий Е.А. Извращение М.Н. Покровским истории интервенции и гражданской войны в СССР (1918–1920) // Против антимарксистской концепции М.Н. Покровского. М.; Л: Изд-во АН СССР, 1940. С. 457–485.

уже известно. Однако победа, по мнению М.В. Нечкиной, была одержана в результате «переворота». Так, в дневниках историка упоминается, что В.Д. Мочалов «собрал» заседание редакции «Истории СССР» 18 апреля 1962 г., не объявив, что будет рассматриваться вопрос о публикации статьи Е.А. Луцкого. Присутствовать в этот день Милица Васильевна не могла – у нее было назначено заседание группы по истории революционного движения в Институте истории АН СССР. Возмутило М.В. Нечкину и заявление В.Д. Мочалова, что «в руководящих инстанциях (анонимно!) дана команда Луцкого не печатать, т[ак] к[ак] он хуже всех травил Покр[овского]» (Нечк, с. 430). Такое поведение ответственного редактора Милица Васильевна объясняла желанием В.Д. Мочалова «насиловать волю редколлегии печатать Найденова» (Нечк, с. 430).

М.В. Нечкина попыталась противостоять этому желанию. Сразу же после заседания она связалась с руководителем отдела науки и учебных заведений в ЦК КПСС Н.Н. Софинским, который сказал, что ничего не знает о запрете статьи Е.А. Луцкого. Несколько дней спустя скандал вышел за пределы научного сообщества. 27 апреля М.В. Нечкина написала письмо члену Политбюро ЦК КПСС М.А. Суслову, в котором отметила, что из очередного номера журнала «История СССР» была изъята статья Е.А. Луцкого, так как сверху «даны указания не пропускать в печать статьи тех историков, которые в свое время принимали участие в критике М.Н. Покровского» [4, с. 130]. Между тем, подчеркивала Милица Васильевна, в своей работе Е.А. Луцкий «сожалел о случившемся и исправлял ошибки» [4, с. 131].

В личном архиве М.В. Нечкиной не сохранилось ответа М.А. Суслова на это письмо, поэтому мы не можем утверждать, подтвердил или опроверг он реальность существования директивы относительно статьи Е.А. Луцкого. Но если принять во внимание события двухмесячной давности, когда фактически наложили запрет на статью академика М.В. Нечкиной о постановлениях партии, то можно предположить, что и в данном случае письмо-обращение едва ли возымело успех. Статья Е.А. Луцкого в конце концов будет опубликована – но в 1965 г. и в сборнике «История и историки», главным редактором которого была М.В. Нечкина [7].

Обратимся к текстам публикаций. Авторы демонстрируют не только разный подход к «реабилитации», но и разное понимание сущности этого процесса. М.Е. Найденов в центре своего исследования обозначил проблему соответствия взглядов М.Н. Покровского воззрениям В.И. Ленина. Выходит, что реабилитировать «первого советского историка» означает оправдать, почему «не было представления о Ленине, как о величайшем историке-марксисте» [6, с. 65]. Заслуги же М.Н. Покровского, по мнению автора, заключались в создании первой (хоть и не верной) марксистской истории России, организации советской науки, участия в подготовке кадров марксистских историков и т. д.

В своих дневниках М.В. Нечкина откровенно назвала эту статью «плохой». Подобная оценка могла быть вызвана в том числе и следующим. М.Е. Найденов ссылается на документы партии 1936–1938 гг., в которых якобы не просто упоминалось имя М.Н. Покровского, но и его ошибки признавались «антимарксистскими и антиленинскими» [6, с. 70]. С данными аргументами М.В. Нечкина

не могла согласиться: ею уже было установлено, что такие свидетельства отсутствуют.

Историк считала, что публикация М.Е. Найденова сильно уступала исследованию Е.А. Луцкого, который обратился к анализу развития исторических взглядов Михаила Николаевича. Им был привлечен широкий круг архивных источников: работы М.Н. Покровского, стенограммы и протоколы заседаний и выступлений историка. В его статье представлен историографический обзор темы, но почему-то без указания публикации М.Е. Найденова. В данном разделе Е.А. Луцкий сожалел о своей резкой критике в «антипокровском» сборнике следующими словами: «С тяжелым чувством автор настоящей статьи вспоминает сейчас об этом сборнике» [7, с. 337].

Авторы рассмотренных статей презентуют два разных подхода к пониманию развития науки, и соответственно к пониманию «реабилитации» М.Н. Покровского: интерналистский и экстерналистский. Е.А. Луцкий стремился оценить наследие М.Н. Покровского с точки зрения развития научных взглядов историка и науки в целом. М.Е. Найденов же без конца апеллирует к решениям последних съездов партии о разоблачении «культы личности».

100-летний юбилей М.Н. Покровского: зигзаг «реабилитации». В августе 1968 г. исполнялось 100 лет со дня рождения М.Н. Покровского. К этой знаменательной дате С.М. Дубровский подготовил рукопись монографии «Академик М.Н. Покровский – выдающийся историк, общественно-политический и государственный деятель (К столетию со дня рождения) (1868–1932)» и даже попытался ее напечатать. Но тщетно... [8].

Первоначально монография была включена в план научных исследований Института истории АН СССР на 1963 г. Как следует из письма автора в Научный совет по проблеме «История исторической науки» (27 октября 1968 г.), план сорвался из-за тяжелого физического недуга и чрезмерной загруженности исследователя в секторе капитализма⁶. В том же письме С.М. Дубровский просит прочесть рукопись, надеясь, что работа «не потеряла своего значения» [8, с. 114]. Научный совет отправил работу на рецензирование «специалисту по М.Н. Покровскому» – О.Д. Соколову. Исследование получило высокую оценку рецензента. В письме директору Института истории СССР АН СССР Б.А. Рыбакову от 3 июня 1969 г. он пишет: «В целом труд С.М. Дубровского представляет несомненный интерес: автор – не только крупный ученый, автор многочисленных широко известных работ; он также живой свидетель тех событий, о которых пишет в рукописи. Естественно, что его работа – это не только исследование, но и мемуары представителя первого поколения советских историков» [8, с. 115].

Монография предназначалась для публикации в научно-популярной серии издательства «Наука» – налицо стремление вывести «реабилитацию» за пределы профессионального сообщества. В конце октября 1969 г. заведующий редакцией научно-популярной серии В.К. Низовский в письме к С.М. Дубровскому сообщил, что рукопись не может быть опубликована, поскольку она является сугубо научным исследованием и «не вполне соответствует профилю

⁶ Видимо, речь идет об изданном после кончины историка труде: Дубровский С.М. Сельское хозяйство и крестьянство России в период империализма. М.: Наука, 1975. 398 с.

серии научно-популярной литературы, которая рассчитана на широкие круги читателей» [8, с. 115–116]. На этом документальные свидетельства исчерпываются. Неизвестно, приступил ли автор к переработке текста, отвечающей требованиям научно-популярного издания, предпринимал ли попытки опубликовать труд в серии научной литературы.

В августе 1968 г. С.М. Дубровский отправил отпечаток мемориальной статьи «Академик М.Н. Покровский – выдающийся историк, общественно-политический и государственный деятель (к столетию со дня рождения)» сначала в «Известия», а затем в «Литературную газету». В обоих случаях получил неутешительный ответ: «Публикация не представляется возможной» (НИОР РГБ, л. 11). «Известия» мотивировали свой отказ чрезмерной загруженностью газеты материалами о текущих внутри- и внешнеполитических событиях. Редакция «Литературной газеты» заявила, что «юбилейных» статей в принципе не публикует.

Работа С.М. Дубровского представляет собой краткую справку научно-организационной деятельности историка с подробным перечислением заслуг ученого: организация научных и образовательных учреждений⁷, изучение истории России «с марксистских позиций», критика буржуазных историков (НИОР РГБ, л. 3–5).

Указал С.М. Дубровский и на недостатки исторической концепции М.Н. Покровского, причина которых, по его мнению, кроется в «злоупотреблении (М.Н. Покровским. – *В.Г.*) абстрактным социологизированием» исторического материала (НИОР РГБ, л. 7). Отвечая на вопрос, почему критика ученого в конце 20-х годов не возымела успеха, автор подчеркивает регрессивную роль его окружения (так называемой «школы»), ставшего на «путь зажима критики и самокритики» (НИОР РГБ, л. 7). Завершает «юбилейную» статью автор размышлениями, выражающими надежды на наступление благоприятного периода для изучения творчества М.Н. Покровского после XX и XXII съездов КПСС. Вот только не вписывался этот пассаж в общественно-политический дискурс и интеллектуальный климат конца 60-х годов, когда либеральные тенденции пошли на спад и подобного рода отсылки теряли свою былую актуальность. Прямое совпадение этих посылов сверху и движения профессионального сообщества не всегда наблюдалось – в последующее десятилетие взгляды М.Н. Покровского изучались А.А. Говорковым, В.В. Нардиным и др.

Предварительные итоги. Рассмотренные нами эпизоды «реабилитации» М.Н. Покровского позволяют сделать несколько выводов. В обозначенный период наметился отказ от закрепившихся в историографии конца 30-х годов оценок творчества историка. Представители ученого сообщества предлагали разные модели изучения наследия историка, но непременным их атрибутом стала апелляция к архивным источникам. Нередко «живая память» и личный опыт представителей сообщества служили органическим дополнением документальных свидетельств из «пыльных» архивов. В возвращении М.Н. Покровского в историографический пантеон большое значение имело активное участие авторов «антипокровского» двухтомника: М.В. Нечкиной, Е.А. Луцкого, А.Л. Сидорова

⁷ Государственный ученый совет, Институт Красной профессуры, Центрархив, Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук, Коммунистическая академия и др.

и др. Что стоит за этим участием: искреннее раскаяние, желание таким образом преодолеть «травму» или стремление следовать идеологическому мейнстриму («в свете решений XX съезда»? В то же время не стоит идеализировать процесс «реабилитации» М.Н. Покровского – границы «допустимого» по-прежнему определялись властью, что находило отражение на этапе презентации научного знания.

Источники

- ДоКл – О культе личности и его последствиях: Доклад Первого секретаря ЦК КПСС тов. Хрущева Н.С. XX съезду КПСС 25 февраля 1956 г. // Известия ЦК КПСС. – 1989. – № 3. – С. 128–170.
- СтОтч – XXII съезд КПСС, 17–31 октября 1961. Стенографический отчет: в 3 т. – М.: Политиздат, 1962. – Т. 2. – 608 с.
- ЗКОН – XXII съезд КПСС и задачи кафедр общественных наук: Доклад секретаря ЦК КПСС тов. М.А. Сулова на Всесоюзном совещании заведующих кафедрами общественных наук высших учебных заведений // Правда. – 1962. – 4 февр. – № 35. – С. 3–4.
- Архив ГЦМСИР – Архив Государственного центрального музея современной истории России. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1142. 158 л.
- НА ИРИ РАН – Научный архив Института российской истории Российской академии наук. Ф. 1. Оп. 10а. Д. 36. 4 л.; Д. 37. 70 л.
- Нечк. – «...И мучилась, и работала невероятно»: Дневники М.В. Нечкиной. – М.: РГГУ, 2013. – 822 с.
- РГАСПИ – Российской государственный архив социально-политической истории. Ф. 606. Оп. 1. Д. 744. 101 л.
- НИОР РГБ – Научно-исследовательский отдел рукописей РГБ. Ф. 797. Карт. 12. Ед. хр. 13. 11 л.

Литература

1. Бухерт В.Г. «При рассмотрении дела ни в чём себя виновным не признал». С.М. Дубровский в 1936–1954 гг. // Вестн. Омск. ун-та. Сер. Ист. науки. – 2019. – № 2. – С. 228–240.
2. Артизов А.Н. Судьбы историков школы М.Н. Покровского (середина 1930-х годов) // Вопр. истории. – 1994. – № 7. – С. 34–48.
3. Нечкина М.В. Вопрос о М.Н. Покровском в постановлениях партии и правительства 1934–1938 гг. о преподавании истории и исторической науке (К источниковедческой стороне темы) // Исторические записки. – М.: Наука, 1990. – Т. 118. – С. 232–246.
4. История в человеке. Академик М.В. Нечкина: Документальная монография. – М.: Новый хронограф, 2011. – 1104 с.
5. Сидоров А.Л. Некоторые размышления о труде и опыте историка // История СССР. – 1964. – № 3. – С. 118–138.
6. Найденов М.Е. М.Н. Покровский и его место в советской историографии // История СССР. – 1962. – № 3. – С. 48–71.
7. Луцкий Е.А. Развитие исторической концепции М.Н. Покровского // История и историки. Историография истории СССР: Сб. ст. – М: Наука, 1965. – С. 334–370.

8. Бухерт В.Г. «В целом труд С.М. Дубровского представляет несомненный интерес». Неизданная монография С.М. Дубровского о М.Н. Покровском. 1968–1969 // Ист. архив. – 2018. – № 3. – С. 113–116.

Поступила в редакцию
25.03.2020

Груздинская Виктория Сергеевна, аспирант кафедры современной отечественной истории историографии

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
пр. Мира, д. 55а, г. Омск, 644077, Россия
E-mail: vik11910314@yandex.ru

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2020, vol. 162, no. 3, pp. 220–231

doi: 10.26907/2541-7738.2020.3.220-231

**“Rehabilitation” of M.N. Pokrovsky in the Community of Historians:
Late 1950s – 1960s**

V.S. Gruzdinskaya

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, 644077 Russia
E-mail: vik11910314@yandex.ru

Received March 25, 2020

Abstract

In the paper, the most important and resonant episodes of M.N. Pokrovsky’s “rehabilitation” as a researcher were studied. Based on the analysis of various published and unpublished sources, a number of conclusions were drawn. Firstly, the period of late 1950s – 1960s was marked by the rejection of the previous assessments of M.N. Pokrovsky’s legacy that became popular in the historiography of the Stalin era at the level of party and political discourses, as well as among researchers. Secondly, historians proposed different models for studying M.N. Pokrovsky’s legacy; the ubiquitous feature of all models was the use of archival sources. The “living memory” and personal experience of the academic community served as an integral supplement to the “cold” documentary facts. Thirdly, the active participation of Soviet historians in returning of M.N. Pokrovsky to the historiographic pantheon was of great importance. M.V. Nechkina, E.A. Lutsky, and A.L. Sidorov were among them. Interestingly, they were among the authors of an earlier published two-volume edition against M.N. Pokrovsky. At the same time, the limits of what was “acceptable” or not were still defined by the government authorities. This influenced the presentation of scientific knowledge to the professional community.

Keywords: Soviet historiography, M.N. Pokrovsky, academic community, corporate memory, science and power

References

1. Bukhert V.G. “In the proceedings, he pleaded not guilty of anything”. S.M. Dubrovskii in 1936–1954. *Vestnik Omskogo Universiteta. Seriya Istoricheskie Nauki*, 2019, no. 2, pp. 228–240. (In Russian)
2. Artizov A.N. The fates of historians from M.N. Pokrovsky’s school (middle of the 1930s). *Voprosy Istorii*, 1994, no. 7, pp. 34–48. (In Russian)

3. Nechkina M.V. The problem with M.N. Pokrovsky in the party and government resolutions of 1934–1938 about teaching history and history as a science (On the historiographic aspect of the discussion). *Istoricheskie Zapiski*, 1990, vol. 118, pp. 232–246. (In Russian)
4. *Istoriya v cheloveke. Akademik M.V. Nechkina: Dokumental'naya monografiya* [History in a Human. Academician M.V. Nechkina: A Documentary Monograph]. Moscow, Nov. Khronogr., 2011. 1104 p. (In Russian)
5. Sidorov A.L. Some reflections about the work and experience of historians. *Istoriya SSSR*, 1964, no. 3, pp. 118–138. (In Russian)
6. Naidenov M.E. M.N. Pokrovsky and his role in the Soviet historiography. *Istoriya SSSR*, 1962, no. 3, pp. 48–71. (In Russian)
7. Lutsky E.A. M.N. Pokrovsky's historical concept development. In: *Istoriya i istoriki. Istoriografiya istorii SSSR* [History and Historians. Historiography of USSR History]. Moscow, Nauka, 1965, pp. 334–370. (In Russian)
8. Bukhert V.G. "In general, S.M. Dubrovsky's work is of undeniable interest". Unpublished monograph by S.M. Dubrovsky about M.N. Pokrovsky. 1968–1969. *Istoricheskiy Arkhiv*, 2018, no. 3, pp. 113–116. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Груздинская В.С. «Реабилитация» М.Н. Покровского в сообществе историков: конец 50-х – 60-е годы XX века // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2020. – Т. 162, кн. 3. – С. 220–231. – doi: 10.26907/2541-7738.2020.3.220-231. ⟩

⟨ **For citation:** Gruzdinskaya V.S. "Rehabilitation" of M.N. Pokrovsky in the community of historians: Late 1950s – 1960s. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2020, vol. 162, no. 3, pp. 220–231. doi: 10.26907/2541-7738.2020.3.220-231. (In Russian) ⟩